Калиниченко Лариса Анатольевна

ПРОБЛЕМА ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ СИСТЕМ АВТОРА И ГЕРОЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА "САНЬКЯ", "ЧЕРНАЯ ОБЕЗЬЯНА")

В статье освещены проблемы взаимодействия автора и героя в современной русской прозе. Проведен анализ романов Захара Прилепина "Санькя" и "Черная обезьяна", в которых наиболее полно отражены сходства и противопоставления ценностных систем автора и героя. Рассмотрены предпосылки создания автором образов и характеров героев на основе собственного опыта и идейных убеждений .

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2013/12/19.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (79). С. 79-84. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2013/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

JOHN LOCKE'S EPISTEMOLOGICAL IDEAS IN CONTEXT OF EMPIRICAL METHODOLOGY TRANSFORMATIONS

Kadobnyi Taras Bogdanovich
Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University, Ukraine
animus@ukr.net

The author researches the influence of the epistemological ideas of J. Locke as the classic of empirical philosophy and experimental science methodology on the further transformations of theoretical-cognitive subject matter in the non-classical paradigm of rationality. The possibilities of the sign-symbolic schemes realization of scientific cognition are considered under the conditions of already post-non-classical transformations of empirism in science methodology.

Key words and phrases: epistemology; language of science; experience; idea; reflection; sensualism.

УДК 821.16
Филологические науки

В статье освещены проблемы взаимодействия автора и героя в современной русской прозе. Проведен анализ романов Захара Прилепина «Санькя» и «Черная обезьяна», в которых наиболее полно отражены сходства и противопоставления ценностных систем автора и героя. Рассмотрены предпосылки создания автором образов и характеров героев на основе собственного опыта и идейных убеждений.

Ключевые слова и фразы: ценностная система общества; соотношение автора и героя; Захар Прилепин; романы «Санькя», «Черная обезьяна».

Калиниченко Лариса Анатольевна
Ишимский государственный педагогический институт им. П. П. Ершова
rfkbybxtyrj62@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ СИСТЕМ АВТОРА И ГЕРОЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА «САНЬКЯ», «ЧЕРНАЯ ОБЕЗЬЯНА»)[©]

Актуальность и постановка проблемы

Трансформационные процессы, происходящие в России, придают новый, особый смысл ценностям и ценностным ориентациям и требуют переосмысления подходов к их формированию. Ценности являются основой идеалов и моральных принципов, с которыми человек согласовывает свое поведение. Они составляют базу социального согласия и стабильности общества.

Вопрос ценностных трансформаций и, в частности, изменения моральных ценностей относится к одним из самых актуальных в современной философской мысли. Такой интерес не случаен, ведь проблема ценностных ориентаций, во-первых, относится к наиболее важным в персональном духовном бытии каждой личности, а во-вторых, имеет исключительное значение для социального развития. Поэтому во все времена она привлекала к себе внимание исследователей. В наши дни, когда все сферы общественного бытия испытывают масштабные изменения, указанная проблема вызывает повышенный интерес у представителей сферы искусства: художников, композиторов, писателей. Свидетельством тому являются многочисленные художественные произведения, посвященные поиску решений этой проблемы.

Среди наиболее успешных авторов последнего десятилетия с уверенностью можно назвать Захара Прилепина, перу которого принадлежат такие бестселлеры как «Санькя», «Грех», «Черная обезьяна», «Патологии».

Особенностью художественного стиля Захара Прилепина является его система отношений «автор – герой» («автор – персонаж»). В целом, анализируя его работы, можно сказать, что большинство из них автобиографичны. Несмотря на это, при более детальном анализе можно усмотреть конфликт, противопоставление автора и героя, что как раз и является особенностью художественного стиля З. Прилепина.

В контексте исследуемой проблемы заслуживает внимания вопрос взаимодействия автора и героя в художественном произведении, получивший новый этап развития в философии литературы и литературоведении XX века.

Данный вопрос рассматривался в работах Р. Барта, М. Фуко, Ж. Деррида, Б. Кормана, В. Виноградова, С. Рейнгольда и др.

© Калиниченко Л. А., 2013

Несмотря не это, проблема противопоставления ценностных систем автора и героя по сей день остается нерассмотренной и требует дополнительного анализа.

Целью данной статьи является определение особенностей противопоставления ценностных систем автора и героя в контексте трансформации ценностей современного российского общества (на примере романов Захара Прилепина).

Основная часть

Несомненно, явление сближения, диффузии автора и героя в литературе не ново. Однако в русской литературно-художественной практике конца XX – начала XXI в. оно приобретает знаковый, закономерный характер, становится всеобъемлющей тенденцией.

В целом проблема художественного соотношения автора и героя в литературоведении не стала специальным, отдельным вопросом, таким, например, как «автор/читатель» или «автор в литературном тексте». Те или иные теоретические аспекты такой темы как «взаимодействие автора и героя в художественном произведении» являются преимущественно элементами широких литературоведческих исследований, касающихся, например, проблемы взаимодействия структурных уровней художественного произведения и т.п.

В большинстве работ как отечественного, так и зарубежного литературоведения вопросы взаимодействия автора и персонажа не объединяются в отдельную литературоведческую тему, проблему, поскольку речь о взаимодействии героя и автора в художественном тексте возникает обычно как второстепенный момент, прозрачный и понятный, не требующий особого внимания [10].

В рамках устоявшегося мнения о художественной целостности литературного произведения, преобладающего в литературоведении в XX в., автора представляли тем организующим элементом, который упорядочивает, воплощает, выражает эмоционально-смысловое единство произведения, персонажа и других составляющих художественного текста. Таким образом, автор является доминирующим элементом, стержневым; персонаж же рассматривается как центр развития художественного мира произведения. Такое ценностное отношение к автору и персонажу отражает характерное для XX в. понимание человека как главного объекта литературы [1].

Поскольку в современной русской литературе последних десятилетий наблюдается разрушение как авторского «Я», так и личности, характера персонажа или, наоборот, усиление, а то и гипертрофия субъективного начала, слияния автора и персонажа, вопрос их трансформации, взаимодействия требует глубокого, разностороннего анализа функций автора и персонажа в современном литературном тексте [7].

Современная русская проза конца XX в. – начала XXI в., как литература переходного периода, является достаточно неоднородным, контрастным, многообразным явлением. Активный поиск авторами собственной манеры художественного изложения, индивидуального, оригинального стиля приводит к появлению новых литературных жанров и приемов (Т. Толстая, В. Пелевин, В. Сорокин, Д. Быков, М. Елизаров и др.).

Размываются и разрушаются каноны прозаического жанра романа и повести; появляется большое количество произведений «на грани» – между литературой и публицистикой, эссеистикой; популярностью среди авторов пользуются формы «дневниковых записей», автобиографических рассказов, культурологических, философских размышлений, наблюдений и т.д. [4].

Такие произведения имеют ярко выраженное авторское начало, воспринимаются читателями как рассказ реального, биографического автора. Подобная видимость слияния автора и героя в литературном тексте скрывает сложную специфику соотношения «автор – персонаж», зависит от индивидуальной авторской стилистики, манеры письма, мировоззрения писателя и других факторов, определяющих особенности функций автора и героя в каждом конкретном произведении [13].

Научные проработки проблемы роли автора в художественном произведении двигались более активно, чем исследования проблемы персонажа. Теория автора в литературоведческой науке обычно доминировала, активно пополнялась новыми концепциями, идеями, ведь в художественном мире произведения исследователь, так или иначе, видел отражение авторского мировоззрения, философии писателя.

Французские ученые Р. Барт («Смерть автора», 1968) и М. Фуко («Что такое автор?», 1969) – основоположники постмодернистского дискурса автора – отразили в своих теориях те представления, которые предлагала к тому времени мировая философская мысль, заложенная в теории и практике постструктурализма и деконструктивизма.

В «программной» для теории постмодернистского литературоведения статье французского ученого Р. Барта находим следующее определение: «говорит не автор, а язык как самоценное явление; письмо изначально лишено лица-продуцента» [2, с. 389].

М. Фуко осмысливает понятие «автор» как функцию «автор» – единицу, зависящую от дискурсивных практик, находящуюся на их пересечении, единицу «стертую», превращенную в функциональный принцип. Автор, по мнению Фуко, превратился в идеологический продукт, с помощью которого обозначен способ распространения смыслов. Речь идет также о том, что теория автора не может быть универсальной для анализа авторской позиции в произведениях всех литературных направлений [15].

Объяснить это можно тем, что само понятие автора – переменное и в разные культурно-исторические периоды наполняется разным содержанием.

Под влиянием исследований Р. Барта, М. Фуко, Ж. Деррида и др. человеческое сознание в рамках философии постмодернизма было отождествлено с письменным текстом.

Одной из ключевых по данному вопросу является работа М. Бахтина «Автор и герой в эстетической деятельности. Проблема отношения автора к герою» [3].

В своем исследовании М. Бахтин детально анализирует те условия, при которых пространство и время человека и его жизни переводятся в эстетическую плоскость, становятся эстетически значимыми. К пластически-живописным пространственным ценностям, которые являются трансгредиентными относительно сознания героя и позволяют автору занять в последнем позицию «вне нахождения», М. Бахтин относит внешность, действия, поступки человека, его душевный мир. Внешность, как отмечает исследователь, в словесно-художественном произведении не должна ограничиваться портретом, а дополняться многими значимыми моментами: манеры, походка, тембр голоса, переменная мимика лица, изменение внешности в течение жизни человека и т.д.

Итак, Бахтин определяет автора как носителя смыслового жизненного содержания, а героя – как носителя эстетического его завершения.

С точки зрения постмодернистского понимания сознания как части «большого текста», все достижения человеческой цивилизации возникают единым «интертекстом» (понятие «интертекстуальности», как известно, переосмыслив работы М. Бахтина, сформулировала Ю. Кристева), который существовал и будет существовать всегда, в нем заранее растворены все «новые» тексты, которые когда-нибудь появятся.

Эта концепция перекликается с теорией «смерти автора», ведь автор понимается здесь как «пустое пространство проекции интертекстуальной игры» [9, с. 126]. Ю. Кристева акцентирует внимание на бессознательном характере интертекстуальных игр, однако сегодня остро встает проблема функционального значения «интертекстуальности» как литературного приема, который сознательно используют писатели (речь идет о роли автобиографического материала в художественном произведении).

Итак, автор в теориях постмодернизма деперсонализируется, лишается личностных, индивидуально-психологических характеристик.

Подобная деперсонализация также наблюдается в творчестве З. Прилепина.

Проблема деморализации общечеловеческих ценностей в романе «Черная обезьяна» вынесена автором на первый план. Сам роман контрастирует с другими произведениями З. Прилепина, так, в одном из своих интервью автор признается: «Это только в книжках пишут, что вот, писатель переживал кризис и написал мрачный роман. А я помимо “Черной обезьяны” написал еще сборник счастливейших радостных повестей. У меня ощущения от мира совершенно амбивалентные. Я испытываю одновременно и радость, и отвращение. Вот сейчас сижу, выпиваю с друзьями, завтра поеду к жене и детям, и кто, глядя на меня, скажет, что я написал “Черную обезьяну”? – Никто» [16].

Само название и образ «черной обезьяны» не зря являются ключевыми во всем романе.

Проблема деморализации и постепенного разрушения личности главного героя подается автором довольно детально, с описанием каждого этапа ее морального разложения.

Сам роман, в сущности, и состоит из подобных коротких диалогов героя с самим собой (героя и автора).

На первом этапе – отношения героя с женой. Постоянные ссоры и скандалы, постоянный стресс разрушают их семью.

Второй этап – отношение героя к детям: сначала любвеобильное, позже непредсказуемое, местами ненавистное. Расследуя дело о «детях-убийцах», которые в городе Велимире вырезали целый подъезд («Черная обезьяна»), автор постепенно приводит читателя к тому, что главный герой начинает видеть их и в своих детях. З. Прилепин как бы балансирует между вымышленной реальностью героя и его реальной жизнью, стирая грани возможного и мистического. Стараясь разгадать загадку о неизвестных «детях-недоростках» из города Велемир, автор находит их отражение в детях героя.

Рассматривая роман с позиций концепции «смерть автора», его полностью можно отнести к самостоятельному, не зависящему от идейных воззрений и жизненных позиций автора, тексту.

Прямая позиция автора по отношению к герою полностью отсутствует. Читатель при взаимодействии с текстом самостоятельно наделяет героя характерными качествами и свойствами, опираясь исключительно на текст.

Вышесказанное позволяет утверждать, что в романе «Черная обезьяна» проблема противопоставления ценностных систем автора и героя является довольно значимой.

С нашей точки зрения проблема изменения ценностей связана, прежде всего, не столько с личным опытом автора, сколько с его интерпретацией возможности переноса подобной деморализации. В упомянутом интервью Прилепин говорит: «в отличие от своего персонажа, я никогда не оставлял собаку на полустанке, не бросал своих детей и не совершал ряд поступков, которые он совершает. Просто на каких-то мыслях, которые мой герой обдумывает, я себя ловил. И какие-то ситуации на себя проецировал. И испытывал потом приступ омерзения к самому себе» [Там же].

Резюмируя данное высказывание, необходимо отметить, что до появления романа «Черная обезьяна» большинство романов З. Прилепина можно в какой-то мере считать автобиографическими.

Так, в «Грехе» он называет главного героя Захаркой, что само собой наводит читателя на мысль о неоспоримой самопроекции автора на главного героя.

Таким образом, подтверждается упомянутая нами ранее концепция Ю. Кристевой относительно «интертекстуальности» как литературного приема, с помощью которого автор использует автобиографический материал в своем произведении.

В романе «Санькя» автора и персонажа объединяет единство политических взглядов: как и его герой, З. Прилепин приверженец правой идеологии. Многие политико-идеологические мысли, написанные от лица главного героя, без сомнений, являются прямым отражением идеологии самого автора, что иногда довольно узнаваемо: в своем интервью с Кириллом Василенко в газете «Культура» на вопрос «Возможен ли государственный строй в России, который Вас устроит?» Прилепин отвечает: «конечно, я скажу, что все хорошо, когда в стране будет не убыль, а прирост населения, когда у меня не будет ощущения, что мы можем в ближайшей перспективе потерять свою территорию. Я принял бы любой строй, который обеспечил бы сохранность моей нации и моей земли» [11].

Это является почти дословной цитатой слов Саши Тишина «- Я готов жить при любой власти, если эта власть обеспечивает сохранность территории и воспроизведение населения. Нынешняя власть не обеспечивает. Вот и вся разница» [12, с. 193].

Опираясь на приведенные факты, самый неискушенный читатель смело может назвать автора и героя более чем единым целым. Детальные описания картин акций протеста, планирования террористических актов заставляют не просто поверить, а полностью проникнуться объединяющим духом неизбежной революции, которую в буквальном смысле «пропагандирует» Захар Прилепин, навязывая подрастающему поколению псевдо-идеалы коммунистического прошлого.

По мнению известного литературного критика Льва Данилкина, описанная в романе ситуация не отличается высокими целями и идеалами. «Из-за того что повествование не организовано ни в какую конструкцию, не ограничено никакими временными или пространственными рамками, роман оказался похож на панораму склеенных почти механически, не сросшихся эпизодов. Эпизоды из яркой жизни нацбола просто чередуются с идеологическими дискуссиями (с очень картонными персонажами) и воспоминаниями о деревенском семейном рае (очень предсказуемыми); вот, пожалуй, и все» [6].

Без сомнения, автор дорожит воспоминаниями о своем беззаботном детстве («Грех»), имеет право поведать лично пережитые сцены кровавых расправ вооруженных спецназовцев («Патологии»), имеет возможность передать свои идейно-политические взгляды в художественной форме, с безусловной подменой имен и мест происходящих событий («Санькя»).

«Их было семьсот человек, и они кричали слово “Революция”» [12, с. 5]. Именно революционность (позднелат. *revolutio* – поворот) свойственна всем героям романа З. Прилепина, она же и является связывающим звеном автора и героя. Отвергая все человеческое («Патологии», «Грех»), социальное («Черная обезьяна»), постсоветское («Санькя»), автор приходит к неоспоримому выводу о необходимости радикального изменения современного российского общества, а может и его перевоспитания посредством художественной литературы.

Однако здесь всплывет несоответствие атеистической идеологии большевизма и религиозной «набожности» самого З. Прилепина и его героев.

Исследуя роман с позиции концепции «интертекстуальности», можем отметить, что в нем присутствуют явные отсылки к библейским сказаниям, а именно к образу Иисуса Христа.

Проявляется проблема выбора между идеологическими убеждениями героя и любовью к матери. З. Прилепин противопоставляет ценность семьи ценности любви к Родине, герой делает выбор в пользу последней.

В отношении религии и семьи главный герой романа испытывает конфликтные ощущения: «Неразрешимых вопросов больше не возникало. Бог есть. Без отца плохо. Мать добра и дорога. Родина одна» [Там же, с. 114].

С другой стороны, отношение к религии как социальному институту у героя негативное: «Вы там в церкву, говорят, все ходите. Думаете, что, натоптав следов до храма, покроете пустоту в сердце. Люди надеются, что Бога приручили, свечек Ему наставив. Думают, обманули Его. Думают, подмяли Его под себя, заставили Его оправдывать слабость свою. Мерзость свою и леность, которую то милосердьем теперь назовут, то добротой. Чуть что – и на Бога лживо кивают: “Бог так решил. Бог так сказал. Бог так задумал”» [Там же, с. 320].

Помимо религиозного аспекта, важно отметить сходство сюжетных линий и характеров героев романа «Санькя» Прилепина и романа «Мать» М. Горького.

О. С. Сухих в своей аналитической работе проводит сравнительный анализ героев романов М. Горького «Мать» и «Санькя» З. Прилепина.

Исследователь отмечает: «Два романа объединены и сюжетной ситуацией: изображается борьба героев с действующей властью, их обреченность на страдания или даже гибель. Есть и сходство отдельных эпизодов: в оба произведения включены сцены расправы власть имущих с революционерами и, наоборот, расправы революционеров с политическими противниками; сходны финалы, где люди, обречённые на арест или гибель, полны решимости пройти свой путь до конца. Существенно также сходство в описании той обстановки, в которой живут герои и которая пробуждает в их душах чувство протеста, желание изменить жизнь» [14, с. 291].

Кроме отмеченного, также следует добавить, что упомянутые параллели, сразу бросающиеся в глаза, также присутствуют в более глубокой родственности двух романов, а именно на уровне характерологии.

В романе Прилепина образы главных героев Саши Тишина и Негатива тесно перекликаются с образами революционеров Павла Власова и Николая Весовщикова М. Горького. Схожесть героев проявляется, прежде всего, в асоциальном мировоззрении, в жестком отношении к людям. У З. Прилепина именно Саша Тишин предлагает совершить расправу над судьей, вынесшим приговор Негативу и ветеранам Великой Отечественной: «“Его ведь убить надо”, – сказал Саша устало… Когда Саша произнёс слово “убить”, Матвей остановился на нём взглядом, словно взвешивая, насколько серьёзно это было сказано» [12, с. 209].

Сходство прослеживается и в развороте сцены убийства: у М. Горького, как и у Прилепина, убийство не было совершено непосредственно главным героем.

Похожим также является возникновение саморефлексии. Особенно ярко этот момент подчеркивает З. Прилепин на примере отражения в зеркале: «Дурной? Добрый? Надёжный? Безнадёжный? Не было такого зеркальца, чтобы разглядеть своё отражение» [Там же, с. 113].

У М. Горького Весовщиков определяет «лицо как зеркало души» [5, с. 113].

Подводя итог, можно отметить, что, как и М. Горький, З. Прилепин постарался максимально точно передать образ современного революционера.

Как отмечает О. С. Сухих: «В. И. Ленин назвал роман “Мать” “очень своевременной книгой”, имея в виду, что он мог повлиять на сознание рабочих и вовлечь их в революционное движение» [14, с. 292].

Почти ту же реакцию мы наблюдаем в современном культурном пространстве на роман «Санькя» З. Прилепина – престижные литературные премии, похвальная критика, как со стороны литературоведов, так и со стороны читателя.

Вышесказанное дает нам право утверждать, что нынешнее творчество Прилепина является вершиной современной русской прозы и отражением социальной действительности, благодаря чему бесспорно находит бурный отклик в прессе и привлекает внимание общества.

Выводы

В ходе нашего исследования мы стремились проанализировать особенности противопоставления ценностных систем автора и героя в контексте трансформации ценностей современного российского общества на примере романов Захара Прилепина.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что проблемы, поднимаемые в романах З. Прилепина, опережают шаблонность восприятия современного читателя, адаптированного к единству автора и героя, отсутствием, с одной стороны, реальной взаимосвязи («Санькя») и полным противопоставлением моральных и идеологических принципов («Черная обезьяна»), – с другой. Именно реалистичность описанных событий («Патологии») заставляет читателя верить каждому слову автора, постепенно «впитывая», тем самым, и его идеологию.

Проведенное исследование дает основания утверждать, что противопоставление ценностных систем автора и героя в романах З. Прилепина имеет довольно четкую выраженность, особенно это касается романа «Черная обезьяна». Присущая роману «Санькя» автобиографичность заставляет образ автора слиться с героем воедино, при этом автор выступает не как рассказчик, а как прототип самого героя.

Центральной идеей, поднимаемой З. Прилепиным, является революционность, необходимость смены существующей ценностной системы российского общества. Именно в этом и проявляется схожесть позиций автора и героя.

Проведенная нами параллель идеологических контекстов романов «Мать» М. Горького и «Санькя» З. Прилепина дает возможность говорить об актуальности проблем, поднятых авторами в своих работах, об отражении в них реальных настроений и важности процесса трансформации социальных ценностей.

Список литературы

1. **Амусин М.** Чем сердце успокоится. Заметки о серьезной и массовой литературе в России на рубеже веков // Вопросы литературы. 2009. № 3. С. 5-46.
2. **Барт Р.** Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384-391.
3. **Бахтин М. М.** Автор и герой в эстетической деятельности. Проблема отношения автора к герою // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 127 с.
4. **Виноградов В. В.** Проблема образа автора в художественной литературе // Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971.
5. **Горький М.** Мать // Горький М. Собрание сочинений: в 16-ти т. М.: Правда, 1979. Т. 4. 399 с.
6. **Данилкин Л.** Захар Прилепин «Санькя». «Мать» без электричества // Афиша. 2006. 5 апреля.
7. **Корман Б. О.** Итоги и перспективы изучения проблемы автора // Корман Б. О. Избранные труды по истории и теории литературы. Ижевск: Изд-во Удмуртского гос. ун-та, 1992. С. 59-67.
8. **Кристева Ю.** Знамение на пути к субъекту // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции. XX век. Томск: Водолей, 1998. С. 289-297.
9. **Кристева Ю.** Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004. 704 с.
10. **Маканин В.** Ракурс. Одна из возможных точек зрения на нынешний русский роман // Новый мир. 2004. № 1. С. 158-162.
11. **Наша литература антилиберальна по сути**: интервью с Захаром Прилепиным // Культура. 2009. 1-7 октября.
12. **Прилепин З.** Санькя: роман. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2008. 368 с.
13. **Рейнгольд С.** Русская литература и постмодернизм // Знамя. 1998. № 9. С. 209-220.
14. **Сухих О. С.** Очень своевременные книги (о традициях Ф. М. Достоевского и М. Горького в романе З. Прилепина «Санькя») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 6. С. 290-296.
15. **Фуко М.** Воля к истине. М., 1996.
16. **Черная обезьяна с гранатой**: беседа с Захаром Прилепиным о его новом романе «Черная обезьяна» // Известия. 2011. 6 мая.

CONTRASTING PROBLEM OF AUTHOR'S AND HERO'S VALUE SYSTEMS IN CONTEXT OF MODERN RUSSIAN SOCIETY VALUES TRANSFORMATION (BY EXAMPLE OF ZAKHAR PRILEPIN'S NOVELS "SANKYA", "BLACK MONKEY)

Kalinichenko Larisa Anatol'evna
Ishim State Pedagogical Institute named after P. P. Ershov
rfkbybxtyrj62@yandex.ru

The article considers the interaction problems of author and hero in the modern Russian prose. The analysis of Zakhar Prilepin's novels "Sankya" and "Black Monkey", showing the similarities and differences of author's and hero's value systems, is conducted. The prerequisites of creating heroes' images and characters by the author on the base of personal experience and ideological views are scrutinized.

Key words and phrases: social value system; correlation of author and hero; Zakhar Prilepin; novels "Sankya", "Black Monkey".

УДК 811.111'373'612: 159.963.38
Филологические науки

В статье исследуется пространственная метафора на материале англоязычного психоаналитического дискурса, посвященного анализу сновидений. Сновидение представляется как место, в котором происходят некие события, точка, вертикальная структура, горизонтальный ландшафт либо нечто передвигающееся в пространстве. Пространственная метафора является одной из ключевых метафор для формирования концепта DREAM (СНОВИДЕНИЕ) в контексте современного психоаналитического дискурса.

Ключевые слова и фразы: язык; метафора; пространство; сновидение; сон; психоанализ; дискурс.

Коваленко Анна Николаевна, к. филол. н.
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина
Anna.kovalenko11@gmail.com

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МЕТАФОРА В КОНЦЕПТЕ *DREAM* (СНОВИДЕНИЕ) (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)©

Наше сознание формируется благодаря языку, язык является инструментом категоризации и систематизации внешней и внутренней реальности человека. Познание невозможно без владения языком. Психоанализ как один из методов исследования внутреннего психического пространства опирается на языковые средства как на инструмент означивания, оформления чувственной, эмоциональной реальности в осмысленные образы.

В конце XX – начале XXI века проводились многочисленные исследования на стыке лингвистики и психологии. Ученых – лингвистов и психологов – интересуют психологический аспект функционирования языка и речи, психолингвистические аспекты коммуникации [2; 4-7; 9; 13], существуют фундаментальные исследования особенностей овладения языком детьми, а также формирования языковой компетенции [8; 14], предметом внимания исследователей стали лингвистический аспект аргументации [1], особенности языка рекламных и политических текстов [10; 11], лингвистические аспекты таких психотехнологий как НЛП (нейро-лингвистическое программирование), гипноз, разнообразные формы внушения [3]. Психологический аспект языка исследовался широко и многогранно.

Полем нашего исследования стал психоаналитический дискурс. Мы используем термин «психоанализ» в его широком значении, имея в виду прежде всего классический психоанализ (фрейдизм), психоаналитическую школу Ж. Лакана, а также аналитическую психологию, представленную работами последователей К. Г. Юнга. Суть психоанализа и психотерапии в более широком смысле основывается на способности человека превращать элементы внутрипсихического хаоса в слова. Когда мать с помощью языка «отражает» внутренние состояния младенца («ты замерз», «тебе страшно», «ты голоден», «ты доволен», «ты рад»), она не только участвует в формировании языковой компетенции ребенка, но и учит ребенка дифференциации внутренних состояний, что было бы невозможным без владения языком.

Пациентка Джозефа Бройера, ученика З. Фрейда, Берта Паппенхейм (Анна О.), описала свой опыт психоанализа как *"talking cure"* – лечение разговором, словом [24]. Внутренняя реальность пациента психоаналитика находит отражение через образы, метафоры, символы, которые помогают ассимилировать разрозненные части опыта. **Предметом** нашего исследования является пространственная метафора как одна из базовых метафор в психоаналитическом дискурсе.

Топографический образ психики был предложен еще Зигмундом Фрейдом, который поделил ее на «слои» – эго, суперэго, ид – и расположил эти «психические слои» на определенной «глубине» [12]. Карл Юнг ввел в психологию понятие «внутреннего мира», и его понимание структуры психики еще сильнее опирается на понятие пространства, причем пространство из сугубо вертикального («в глубину») становится

© Коваленко А. Н., 2013